Хокаге не дает ей никакого другого совета, кроме как быть самой собой. Она предполагает, что Орочимару не любит притворщиков (или терпеть не может лжецов). Итак, она стоит перед "лабораторией" Орочимару, имея при себе только себя и рекомендательное письмо. Она переживает, как далеко может завести ее "честность", ведь иногда ей кажется, что вся ее жизнь превратилась в притворство.

В здании, безусловно, царит сложная атмосфера. Она все еще не уверена в своих ощущениях, поэтому проглатывает страх и входит, уверенная, что разберется во всем по дороге и что ее лицо толще, чем кажется. Если Хокаге не видит ее насквозь, то почему его ученица должна видеть?

Она открывает дверь и с облегчением обнаруживает, что внутри все вполне нормально. Даже профессионально, как в клинике. Есть секретарь и все такое. Правда, ей приходится стоять в трех шагах от стойки. Она сомневается, что они увидят ее, если она подойдет ближе.

"Простите. Орочимару-сама дома?"

Они садятся чуть прямее, недоверие расплывается по их бровям.

"Только по предварительной записи, малыш".

Хонока кивает. Она догадывалась, что все будет именно так, поэтому достала рекомендательное письмо Хокаге и передала его через край стойки, после чего снова отступила назад.

"Хокаге-сама просит доставить это Орочимару-сама как можно скорее".

Секретарь забирает свиток и аккуратно ставит печать.

"Только для глаз Орочимару-сама, пожалуйста".

Они переглядываются, словно не могут поверить, что эта маленькая девочка ростом едва ли в половину их прилавка приказывает им. Но они видели и более странные вещи, поэтому молча встают и выходят в другую дверь.

Они возвращаются через несколько минут, слегка потрясенные, и больше ничего не говорят.

Хонока садится в кресло.

Она сидит так целых пять часов. В какой-то момент секретарь уходит, бросив на нее жалостливый взгляд и закрыв за собой входную дверь. Она находится в полутрансе, когда открывается задняя дверь и выходит самый бледный мужчина, которого она когда-либо видела.

Он обращается к ней, не поднимая глаз. А может, он вообще к ней не обращается. "Ты все еще здесь, да?"

Она качает ногами в ответ, пальцы не достают до пола. Ее сердце бьется быстрее - не то от волнения, не то от страха.

Он обходит стойку регистрации и щелкает языком. "Они не заставили вас зарегистрироваться...? Недостаточно хорошо".

"..."

"Дитя!" - кричит он, и она вскакивает. "Иди сюда".

Она повинуется. Теперь он обращается к ней, хотя до сих пор ни разу не взглянул в ее сторону.

"Вы помните, в какое время вы вошли в помещение?"

"Да".

Он откладывает журнал регистрации посетителей и подносит стул, чтобы она могла на него сесть.

"Заполните его".

Она заполняет.

Это Орочимару, бывший ученик Хокаге и один из трех легендарных шиноби. Он... напряженный. Может быть, немного помешанный. Особенно.

"Ты знаешь, почему ты здесь, дитя?"

Она кивает, сдерживая комок в горле и размышляя, стоит ли ей вставать со стула или нет.

"Похоже, Сарутоби-сенсей просто не может удержаться..."

Она ничего не отвечает. Орочимару накладывает печати для откровенного гендзюцу.

"А теперь скажи мне: ты здесь, чтобы шпионить за сенсеем?"

Она хмурится, ведь правда? Хокаге-сама что-то написал в письме?

"Да. И еще, гендзюцу на меня не действует".

Его самодовольное выражение лица, как у кота на канарах, делает полный оборот. Через долю секунды он приходит в себя и прислоняется к стойке, скрестив руки. Теперь он смотрит на нее, действительно смотрит.

"Ты Анбу?"

Хонока качает головой. Она не совсем понимает, что такое анбу. Она видела их раньше, но сегодня впервые узнала их имя.

Она замечает, что он держит в руках ее вступительное письмо.

"Как тебя зовут, дитя?"

Она бросает на Обито взгляд, который тот называет "ты серьезно?", опускает глаза на свиток и снова возвращается к его губам. Его раздражает само ее присутствие, но и она тоже. Его. (Она не обязана быть здесь, но она здесь. Он должен хотя бы притвориться, что пытается терпеть ее, как она пытается притвориться, что хочет быть здесь, чтобы оправдать ожидания Хокаге).

"Из ваших собственных уст, если позволите".

"Цунэмори Хонока-дэсу".

"Возраст?"

"Шесть. Мой день рождения восемнадцатого июня".

Похоже, он ведет напряженный спор с самим собой из-за столь незначительной информации. Хонока понимает, что в нынешних обстоятельствах она не может надеяться на то, что ей удастся разгадать весь процесс.

"Любит, не любит, хобби - расскажите мне о себе".

"Мой любимый цвет сейчас - синий. Я люблю гёдза, но не жареную во фритюре. Моя семья владеет и управляет баней. Я люблю читать".

Пауза, пока он отбрасывает бесполезные высказывания и цепляется за важные ключевые слова.

"Цунэмори-я? Та самая баня?"

Он догадался о ее необычном для шиноби происхождении, и она почти смеется. Почему все шиноби знают о бане ее семьи? Ведь они обслуживают не так уж много шиноби.

"Зачем становиться шиноби?" - спрашивает он, и в дымчатые нотки его голоса прокрадывается первый намек на искренний интерес. "Вы могли бы жить мирной жизнью, а не той, что пропитана убийствами и войной".

Она отвечает со свойственной ей честностью: "У меня были вопросы, на которые я не могла ответить нигде больше".

Его глаза говорят об этом с одного взгляда: поразительный желтый цвет и расширение зрачков, как у кошки, недвусмысленно говорят о росте его интереса.

Его выражение лица честно в той мере, в какой не честны его слова, и Хонока думает, что он научился лгать своей честностью так, как она никогда не думала раньше. Если она лжет своими честными словами и бесстрастным выражением лица, то он лжет своими грубыми словами и честной реакцией. В конце концов, кто не поверит тому, чей язык тела так бесстрастно открыт? Все в его позе приглашает ее довериться ему - осмелиться пройтись в пределах его зоны поражения, без охраны.

(Он одновременно и самый непритязательный, и самый опасный шиноби из всех, кого она встречала.)

"Приходилось?" - спрашивает он, и выражение его лица выглядит забавным. Но, может быть, ему не смешно? Он какой-то непостижимый, думает она. "Вы уже нашли ответы?"

Она делает универсальный жест "так себе".

Он фыркает. Это просто шипение. Может, раздраженно, а может, равнодушно.

"Что вы думаете об учебной программе Академии?"

Может, это намек на Хокаге? Она чувствует себя не в своей тарелке, словно пытается ответить на два совершенно разных вопроса одновременно. Она снова пытается быть честной, даже если это только для того, чтобы скрыть, как сильно она сейчас барахтается.

"Я вроде как ожидала большего. Но ничего, теперь я буду учиться у саннина".

"Лестью ты ничего не добьешься, дитя".

Но в его голосе прозвучал намек на улыбку, которую он скрывает за строгим выражением лица и небрежно скрещенными руками. Она пожимает плечами, и неулыбка усиливается.

"Стоит попробовать".

Смех вырывается резко и так же резко заканчивается. Не похоже, что он вообще мог исходить от него.

"Очень хорошо. Что вы можете сказать мне о своих сильных и слабых сторонах?"

"Я выучила учебный план наизнанку, но не многое другое", - признается она. "Я могу выполнить три задания Академии так же хорошо, как и любой другой выпускник. Больше всего я горжусь своим хенджем".

Орочимару не впечатлило ее мнение, но она считает, что для Орочимару нет худшего мнения, чем плохое. Лучше пусть он будет недоволен и ему будет что исправить, чем вообще не на чем зацикливаться.

"Ах..." Но если он ищет у нее что-то такое, чего нет ни у кого... "Моя чакра имеет соотношение один к одному, если считать это силой".

"Процент отклонения?"

"Нет".

Резкий, быстрый, затем задушенный - трудно сказать, какую реакцию это вызвало, хорошую или плохую.

"Чего вы ждете от этой стажировки?"

Она обдумывает, как ответить. Учитывая то, как она сейчас себя чувствует? Честности. Всегда честно.

"Ответов... и чтобы не умереть".

Тогда он чуть не завывает от смеха - и это не совсем неприятный звук. Его нельзя назвать теплым или пушистым, но, тем не менее, к нему можно привыкнуть.

"Думаю, мы прекрасно поладим, Хонока-кун".

http://tl.rulate.ru/book/105582/3763142